

УДК 1(476)

Человек и общество в языческих верованиях древневосточных славян

П. В. Барановская, аспирант*

В статье анализируются особенности взаимосвязи и взаимодействия человека и социума в контексте языческих верований древних восточных славян. Общество рассматривается как основной регулятор индивидуального человеческого бытия.

Man and Society in the Heathen Religious Beliefs of the Ancient Eastern Slavs

P. Baranovskaya, Postgraduate Student

The peculiarities of interrelation and interaction of men with the society in the context of the heathen religious beliefs of the ancient eastern Slavs are analyzed in the article. The society is considered to be a fundamental regulator of an individual human being.

Антропологическая проблематика весьма обширна и сложна. Она включает в себя рассмотрение различных аспектов человеческого бытия: биологического, социокультурного, лингвистического и др. Одним из важнейших факторов, обуславливающих действия человека, является социум. Это та сила, которая в архаическом обществе влияет на бытие человека, детерминирует его в очень большой степени. Именно поэтому при рассмотрении языческих верований древних славян необходим анализ взаимосвязи человека и социума.

Индивид у древних славян всегда детерминирован родом. Однако следует согласиться с В. В. Шароновым, что индивидуальное развитие человека в духовной сфере не ограничено его родовой природой, а человеческая индивидуализация не приводит к заметному изменению рода, индивидуальность человека реализуется через его социальность, но одновременно ею же и ограничивается [1, с. 75–95]. В архаическом обществе существуют социоколлективистские детерминанты, т. е. индивид неизбежно включен во всеобщее-бытийное и всеобщее-значимое, и в данном случае он не может быть полностью свободен от социальных связей и обязательств перед родом, таким образом, человек является имманентным единством собственной индивидуальности и социальности [1, с. 77–80].

Что же обуславливает социальное бытие человека? Для выживания человека в архаическом обществе, под которым понимается общество дохристианского, языческого периода, ему было необходимо соблюдать социальную иерархию: доминанта общественного, а личное – второстепенно. Такое положение обусловлено общественным характером хозяйства наших далеких предков.

* Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.А. Круглов.

Социальность человека начинается с семьи. Человек, не имеющий семьи, в древности считался неполноценным. Без семьи невозможно ведение полноценной хозяйственной деятельности, и, что еще важнее, невозможно продолжение рода. Это является прямым нарушением сакральных оснований языческой традиции. Семья была главным и определяющим «субъектом воспитания», «носителем духовной культуры и религиозной традиции», она – не только хозяйственная, но и нравственная основа жизни [2, с. 163–165]. В данном контексте интересными представляются факты «посмертного венчания» у древних славян, представляющего собой символическое вступление в брак покойника и живого добровольца. Такой обряд обусловлен необходимостью помочь умершему обрести семью, то есть необходимую социальность, которую он не успел осуществить при жизни [3, с. 145]. К тому же души в ином мире непременно встретятся, а с помощью этого обряда покойный отойдет в мир предков как полноценный человек, ибо только семейный человек воспринимался как полноценный.

Личность нашими предками понималась именно как составляющая рода, а другие – это лишь варианты «меня», но не «иные». В условиях архаического крестьянского локуса, где все в той или иной мере были друг другу родственниками, составляли один общий род, это представление об идентичности «других» «мне» правомерно экстраполировать на весь социум. Рефлексия и самоидентификация были возможны не в оппозиции «я – другой», но в диалектическом взаимодействии «я – социум», где «я» – неотделимая часть конструкции (общества). «Я» в данном случае – объект всех субъектов, «Я» переживаю другого во мне, а другой переживает меня в себе» [3, с. 112].

Неразвитость личного начала на ранних этапах развития славянского общества подтверждается таким типичным для многих культур примером, как существовавшие клановые имена. Индивидуальные имена являются показателем эволюции общественного и личного сознания. Выделение таких категорий, как «индивидуальное» и «общественное» способствовало самоидентификации личности и осознанию ее уникальности, что привело к усложнению общественной структуры, выделению классов и трансформации религиозных представлений.

Архаическая онтология центрируется идеей общности (целостности), или даже всеобщности, которая человеческое существование понимает как эманацию жизненной силы от источника истинного бытия, представляющего собой концентрацию и неисчерпаемый запас всех этих «жизненных сил» [2, с. 174]. Отсюда и представление об идентичности людей, их «одинаковости». Если от целого отделить часть, то она будет нести на себе свойства целого – вот пафос и логика архаичного мышления.

Славянское язычество – групповая, социальная религия. Она ориентирована на интересы рода в целом, но без ущемления интересов личности. Все члены социума санкционируют эту систему, принимают ее как обязательную для всего сообщества. В групповой религии древних славян одинаковое внимание уделялось как интересам личности, так и интересам общества. Христианство же, направленное эсхатологически, отдает приоритет именно личности, которая должна получить спасение в качестве высшей награды [4, с. 191]. Согласно С. Д. Домникову: «Христианство абстрагируется от общества, сделав центром своего влияния отдельного человека и малую общность духовного порядка» [2, с. 55]. Данный тезис требует некоторого уточнения: христианство не абстрагируется от общества в принципе, оно видит другой путь к нему. Если язычество идет от общего к частному, от социального к личному, то христианство – наоборот, с помощью личности пытается сформировать богоугодное общество. Христианская логика состоит в том, что общество, состоящее из праведников, априори является праведным как система. Язычество же исходит из принципа всеобщности, согласно которому, что хорошо для общества в целом, то хорошо и для отдельного человека, частные интересы подчинены общественным, а отклонение от них карается как обществом, так и божественными силами. В интересах личности подчиняться общественным правилам и установлениям – такой порядок гарантирует гармоничное существование, как всего социума, так и его членов.

В традиционном обществе, каковым является древнеславянский социум, индивидуальность в

некотором смысле антисоциальна, направлена против существующих устоев, подрывает их, и тем самым выступает как деструктивное начало. С другой стороны, именно индивидуальность играла не только определяющую роль в трансформации социума, но и в сохранении его формы и подлинного содержания. Эта амбивалентность связана не с одной какой-то конкретной индивидуальностью, а с их обязательным для архаического общества континуумом, в который входили: вождь и служитель культа (иногда выступающие в одном лице), а также представители некоторых профессий (кузнец, знахарь, гончар и др.). Вождь, как властное начало, основанное на силе, являлся авторитетным хранителем существующей традиции, контролером ее соблюдения и своего рода выразителем общественного санкционирования (в правовом смысле) на какие-либо действия, как общественные, так и частные. Служитель культа был еще большим выразителем легитимизирующего начала, хранителем сакральных смыслов и транслятором божественной воли. Вождь и служитель культа были носителями санкционированной обществом индивидуальности, так как их особое положение было освящено высшими силами на благо социума в целом. Их выделение из «массы» было связано не с их принципиальной «инаковостью», исключительностью, а с обладанием властью (силой) и знаниями, позволяющими им держать в напряжении сознание остальных членов общины, подчинять их себе и контролировать. Что касается носителей индивидуальности через обладание особыми профессиональными знаниями, то их деятельность была направлена в первую очередь на общественное благополучие через производство необходимых роду продуктов труда. Однако творчество выходит за пределы нормы существования, что заставляет традиционный социум с опаской относиться к его носителям.

В. В. Шаронов выделяет три направления коммуникации современного человека с социумом: работа, дружба, любовь [1, с. 74]. Отчасти эта формула актуальна и для наших предков. Под работой нужно понимать все совместные виды деятельности, направленные на поддержание и развитие рода (за исключением непосредственно сакральных культовых действий). К ним относятся: охота, животноводство, земледелие, домашнее хозяйство, ремесла и т. д. Общественный труд нес на себе, помимо функции необходимой помощи, другую, более важную функцию. Он возвращает социум к начальному сакральному времени, воспринимается как праздник и приводит к обновлению отношений внутри рода, кроме того, именно таким способом происходит передача общественно значимого опыта от старшего, а следовательно, обладающего

знанием, поколения младшему [2, с. 27]. Категории дружбы и любви в данном контексте нуждаются в отдельных пояснениях. Дружба, то есть взаимная симпатия, основанная на общих интересах лиц, как правило, одного пола, присутствует в архаическом обществе. Тем не менее, необходимо помнить, что поддержание равно позитивных отношений со всеми членами локуса было обязательным условием социального бытия каждого его члена. Таким образом, понятие «дружба» в отношении древнеславянского общества является весьма условным, а часто и вовсе может быть понято как сакрально санкционированный позитивный настрой, направленный на максимальное количество соплеменников.

Что касается позднего этапа существования древнего славянского социума, то здесь мы уже встречаем более развитое самосознание, а соответственно, и более сложную систему социального взаимодействия. Касается это и категории «дружба», которая становится в большей степени сознательным выбором круга общения, основанном не только на общих интересах и симпатии, но выступающая как еще один инструмент социализации. Человек, не имеющий друзей, как и человек, не имеющий семьи, асоциален. Он воспринимается как антитеза обществу, представитель альтернативного способа бытия, который в условиях традиционного социума всегда табуирован. Категория «любви» может быть понята с вполне современных нам позиций. В древнеславянском обществе существовало право свободного выбора полового и брачного партнера. Любовь, как взаимное всестороннее влечение лиц противоположного пола, была необходимым условием для заключения брака. Брак же был одним из важнейших элементов жизни человека, его бытия в обществе, урегулированном традицией. Любовь не всегда бывала взаимной, потому применялись всевозможные магические средства для ее вызывания либо, наоборот, нейтрализации (заговоры, зелья, магические манипуляции). Эротическая составляющая любви не воспринималась как что-то выходящее за рамки морали, напротив, во время некоторых праздников игры носили сексуальный характер, а половые сношения, в том числе и добрачные, являлись обязательной частью обрядов. Таким образом, дружба и любовь – важнейшие составляющие коммуникации человека и общества с древних времен. Однако необходимо дополнить концепцию В. В. Шаронова о направлениях коммуникации человека с социумом таким важнейшим компонентом, как совместные сакральные действия, которые были неотъемлемой частью жизни как отдельного индивидуума, так и всего рода.

Принимая существующую сакральную традицию, человек принимал весь образ жизни социума и становился его членом, которого оберегают и поддерживают как живые члены рода, так и умершие, а также боги и демонические существа. Благополучие человека зависело от благополучия рода, а одним из страшнейших наказаний у славян было изгнание из рода. Стать изгоем было позорно, а продолжать жизнь в этом статусе было весьма проблематично. Следует заметить, что в славянских языках слово «гойный» означает «изобильный», «гойти» – «живить», следовательно «изгой» можно понимать, как «исключенный из жизни» [5, с. 67]. То есть изгнание из рода действительно воспринималось как насильственный уход из жизни, а изгой переставал восприниматься своим бывшим социумом как существующий человек. Род – достаточно закрытое образование, доступ в которое каждому желающему не открывался. Стать членом другого рода можно было либо через брак, либо за какие-то особые заслуги, гарантирующие желание локуса обладать таким необходимым ему человеком. К таким заслугам могла принадлежать профессия, реже ратные действия, однако у изгоя было немного возможностей вновь социализоваться. Отсылка, изгнание – главный элемент композиционной основы русских сказок. Вернуться, вновь получить желанную социальность, являющуюся нормой бытия, герой может лишь выполнив некое сложное задание. Это своего рода инициация, пройдя которую герой сказки получает право стать членом общества. Происходит противопоставление индивидуального, неподлинного, даже inferнального бытия (путешествие происходит на тот свет) бытию подлинному, социальному. В сказке отражены реальные исторические условия, в том числе и инициация, которые необходимы для социализации человека, его подлинного рождения, рождения общественного, после которого он имеет право заводить семью, то есть стать членом как социума в целом, так и своего личного, микросоциума. Не даром в сказках герой по возвращении из изгнания, выполнив трудную задачу, непременно женится. Все его действия как раз и были направлены на достижение этой конечной цели.

В архаическом славянском социуме благополучие воспринималось связанным с действиями как живых его членов, так и умерших. Культ предков состоял в вере в покровительство со стороны ранее живших членов семьи, а немощный предок не мог оказать необходимую поддержку. Именно с подобной трактовкой ритуальных убийств старших членов семьи при появлении первых признаков старости мы сталкиваемся у Н. Н. Велецкой [6, с. 180].

Человек умирал на благо общества. Он продолжал существование в ином мире в том состоянии души и тела, в котором находился на момент смерти. Его основной задачей являлось оказание всяческой поддержки и помощи оставшимся в живых членам его семьи. Если же уходил из жизни вождь или служитель культа, то его покровительство распространялось на весь покинутый им род. Таким образом, состояние человека на момент смерти – важный фактор благополучия как его личной загробной жизни, так и жизни покинутого им социума. Умирая, люди продолжали оставаться членами социума [6, с. 234]. В своем новом статусе они становились даже могущественней, приобретали способность влиять на природу и общество, так как приобщались к духам со всеми их магическими возможностями.

Общество порождает и сохраняет общесистемные ценности, интересы, правила и законы, которые максимально отражают мировоззрение всех его членов [1, с. 85]. При этом именно с помощью этих установлений происходит влияние рода на индивидуальность, манипуляция ее сознанием и регуляция ее деятельности. Архаический социум вырабатывает правила, по которым живет, и в случае необходимости изменяет их, но при обязательном участии всех членов рода. Тем не менее, коллектив в целом не являлся высшей правящей и регулирующей инстанцией, так как в свою очередь и отдельный индивид, и весь род были поставлены в пассивное положение перед волей божеств, которая проявлялась абсолютно во всех сферах бытия [7, с. 581]. Безусловно, архаическое сообщество пыталось магическими путями влиять на высшие силы с помощью «специалистов» (волхвов, облакогонителей, знахарей и др.), но в большей степени необходимо было стараться не навлечь на себя гнев божеств, а о серьезном воздействии на сверхъестественные существа никто не помышлял.

Итак, все бытие человека в архаическом славянском социуме было подчинено традиции, выработанной и хранимой коллективно, более того, направленной на гармоничное и продолжительное существование этого коллектива как высшей ценности. Общество являлось главным и наиболее влиятельным инструментом воздействия на человека, на все стороны его жизни. Оно выступало как апотропеическое и санкционирующее начало, как целое и совокупность, как синтез профанного и сакрального. Именно общество являлось регулятором как коллективной, так и индивидуальной жизни [8, с. 30], носителем высших смыслов и их выразителем. Индивидуальное бытие направлено на поддержание бытия социума. Социум

же понимается как начало, придающее смысл каждой индивидуальной жизни. Таким образом, согласно верованиям древних восточных славян, личное бытие без общественного не обладает смыслом, более того, оно не является подлинным бытием, сакрально не санкционировано и тем самым представляет собой попытку альтернативного существования, которой необходимо противостоять, так как она несет в себе угрозу «поддержанию устойчивости строения Космоса» [8, с. 31]. Хаос не должен победить Космос. Циклическое обновление, возрождение Космоса к новому бытию достигается путем точного следования традиции, соблюдения ее в мельчайших нюансах, и таким образом повторения мифологического начального бытия, вызывания его к новому кругу жизни. В то же время архаический славянский социум – это основной регулятор индивидуального человеческого бытия. Именно общество рождает мифологическое, а затем и религиозное мировоззрение, присущее нашим предкам. Таким образом, архаический славянский социум – это универсальная система (совокупность людей), санкционированная свыше сверхъестественными существами, неделимая, направленная на поддержание космического порядка путем неукоснительного следования сакральной традиции.

Однако пришедшее на славянские земли христианство привнесло иное мировоззрение: «упор на личное спасение каждого, а не на сохранение всего коллектива» [8, с. 188]. Возникший конфликт был нивелирован довольно быстро с помощью появления сложного синкретического образования – славянского двоеверия, синтеза христианства и язычества. Прежние культовые действия, направленные на поддержание общего блага, сохранились в форме необрядового фольклора, и, таким образом, продолжали работать, пусть и не столь эффективно, но сохраняя сакральный смысл [8, с. 188]. В новообразованной славянской религиозной системе мы встречаем парадоксальное сосуществование двух противоположных взглядов: христианскую ориентацию на индивидуальное спасение и языческое восприятие социума как наивысшей ценности и авторитета. Двоеверие явилось весьма жизнеспособным образованием и просуществовало фактически до наших дней, а явные последствия данного феномена проявляются как в религиозной, так и во многих других сферах деятельности современного нам славянского социума. За века изменились многие составляющие языческого миропонимания, не без влияния господствующего христианства, однако язычество сохранилось, и древние верования просуществовали до нашего времени в виде так

называемой народной культуры, которая и теперь продолжает быть выражением традиционного народного мировоззрения.

Список цитированных источников

1. Шаронов, В. В. Основы социальной антропологии / В. В. Шаронов. – СПб.: Издательство «Лань», 1997.
2. Домников, С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С. Д. Домников. – М.: Алетейа, 2002.
3. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с. (Серия «Страницы мировой философии»).
4. Ловмянский, Г. Религия славян и ее упадок / Г. Ловмянский; пер. с польского М. В. Ковальковой. – СПб.: Академический проект, 2003.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси: изд. 2-е, испр. / Б. А. Рыбаков. – М.: София, Гелиос, 2001.
6. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – М.: София, 2003.
7. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян: изд. 2-е, испр. / Б. А. Рыбаков. – М.: София, Гелиос, 2002.
8. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура: учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. – М.: Высш. шк., 1999.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.09.2007 г